

УДК 159.9
ГРНТИ 15.31.35

ВОЗРАСТНЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА. ЧАСТЬ 1¹

©2021 г. А. И. Лактионова

** Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт психологии РАН; г. Москва
E-mail: arap@inbox.ru*

Статья посвящена изучению возрастных и гендерных различий жизнеспособности человека. Гипотезы исследования: 1. Уровень развития жизнеспособности человека и ее компонентов, а также структура жизнеспособности будут различаться в группах сравнения, выделенных по возрасту. 2. Уровень развития жизнеспособности человека и ее компонентов, будет различаться в группах сравнения, выделенных по полу и возрасту. Общая выборка исследования — 722 человека. Возраст 15–65 лет. Из них: мужчины — 362 человек, средний возраст 30 лет (min — 15 max — 65); женщины — 360 человека, средний возраст 32,39 (min — 15 max — 65). Все респонденты были разделены на 4 группы: группа 1 (15-17 лет) (n = 178); группа 2 (18-25 лет) (n = 194); группа 3 (26-45 лет) (n = 188); группа 4 (46-65 лет) (n = 162). Методики исследования: Тест CYRM (Child and Youth Resilience Measure) Шкала оценки жизнеспособности детей и молодежи); Тест жизнеспособности взрослых Исследовательского центра жизнеспособности (Resilience Research Centre Adult Resilience Measure, RRC-ARM). Результаты исследования: 1. Динамика структуры жизнеспособности человека в группах сравнения: в группах 1 (15-17 лет) и 4 (46-65 лет) ведущую роль играют индивидуальные и семейные ресурсы; в группах 2 (18-25 лет) и 3 (26-45 лет) ведущую роль играют индивидуальные ресурсы. 2. Возрастная траектория развития жизнеспособности от 15 лет до 65 лет: значимое снижение всех показателей жизнеспособности в возрасте 18-25 лет, затем подъем показателей семейной, контекстуальной и общей жизнеспособности в возрасте 26-45 лет и отсутствие различий между возрастными группами 26-45 и 46-65 лет. 3. Значимые различия по всем показателям жизнеспособности между выборками мужчин и женщин наблюдаются

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07409мк «Социально-психологические ресурсы жизнеспособности человека в условиях неопределенности»

только в группе 2 (18-25 лет), в остальных группах различий нет. В группе 2 (18-25 лет) показатели «Индивидуальная жизнеспособность», «Семейная жизнеспособность» и «Общая жизнеспособность» значимо выше в группе мужчин.

Ключевые слова: жизнеспособность, динамическая система, возрастные различия, гендерные различия, подростки, молодежь, взрослые.

ВВЕДЕНИЕ

Энн Мастен, признанный эксперт в области изучения жизнеспособности, определяет ее как «способность динамической системы успешно адаптироваться к нарушениям, которые угрожают ее функции, или развитию» (Masten, 2014, p. 10). В 2014 году известные исследователи жизнеспособности опубликовали статью, в которой они в результате дискуссии пришли к консенсусу о том, что жизнеспособность — это сложная конструкция, и ее можно определять по-разному в контексте отдельных людей, семей, организаций, обществ и культур. Обсуждая ее детерминанты, ученые согласились с тем, что к эмпирическим исследованиям этой конструкции необходимо подходить с многоуровневой аналитической точки зрения, которая включает генетические, эпигенетические, связанные с развитием, демографические, культурные, экономические и социальные переменные. С их точки зрения такие эмпирические и теоретические исследования внесут существенный вклад в практику и позволят в результате определить наиболее эффективные способы повышения жизнеспособности, как на индивидуальном уровне, так и в семье, сообществе и культуре (Southwick et al., 2014).

В 2020 году была опубликована статья, авторы которой повторили подобную дискуссию, подводя некоторые итоги 6-летних исследований. Было показано, что, несмотря на различные определения, все они сосредоточены на концептуализации жизнеспособности на нескольких уровнях, от биологического до социального структурного уровня, уделении особого внимания динамической природе жизнеспособности и отказе от ее концептуализации, как только индивидуальной черты человека. На сегодняшний день важнейшие области для исследований жизнеспособности

человека включают: 1) целенаправленные усилия по совершенствованию оценки, имеющей международную и кросс-культурную валидность; 2) разработку проектов, в рамках которых используются более интенсивные стратегии фенотипирования; 3) изучение результатов на разных уровнях и в разных областях; 4) интеграцию концепций жизнеспособности с индивидуального уровня в более широкий социальный контекст на уровне здоровья населения. В результате исследователи пришли к выводу о том, что все более сложные и подробные концептуальные рамки в сочетании с исследованиями, основанными на достижениях генетики, молекулярной биологии, возросшей вычислительной мощности и более крупных и разнообразных наборах данных, предполагают, что следующее десятилетие исследований может принести значительные прорывы (Christy et al., 2020).

Таким образом, отметим, что в настоящий момент исследования жизнеспособности, как за рубежом, так и в России расширяются, приобретая системный характер с одной стороны, а с другой — включая все более широкий спектр изучения взаимовлияния различных систем.

Однако, и в российской, и в мировой психологии практически остается неизученным вопрос возрастных различий жизнеспособности человека. Как отмечает Е.В. Куфтяк «Поскольку жизнеспособность как определенная способность, которая формируется и закрепляется в процессе жизни, должны существовать различия в компонентах жизнеспособности с учетом этапа онтогенеза» (Куфтяк, 2017, с.32). На данный момент исследования жизнеспособности человека в основном сосредоточены на изучении детей, подростков, молодежи и людей преклонного возраста (Белоусова и др., 2019; Ильницкий и др., 2020; Махнач и др., 2021; Нестерова, 2017; Паатова, 2020; Постылякова, 2018, 2020; Carroll et al., 2020; Gabrielli et al., 2020; и др.). Эти исследования безусловно имеют огромное практическое значение. В свою очередь изучение возрастной динамики в развитии жизнеспособности, даже если и являются основной целью, сосредоточены в основном на сравнительных исследованиях

старшеклассников и студентов или студентов младших и старших курсов (Куфтяк, 2017; Морозюк и др., 2020; и др.).

Настоящее исследование направлено на изучение возрастных и гендерных различий жизнеспособности. Как показывают А.В. Воронова и В.А. Мазилев «гендерная психология является молодым направлением психологической науки... Социолог Энн Оукли сформулировала следующие определения пола и гендера: “Пол — это слово, которое относится к биологическим различиям между женщинами и мужчинами... Однако «Гендер» — вопрос культуры: он относится к социальной классификации «мужественности» и «женственности». Различие между «мужчиной» и «женщиной» с одной стороны, и «мужественностью» и «женственностью» с другой, делает возможным прояснить многое в споре о половых различиях” (Oakley, 1972, цит. по: Воронова, Мазилев, 2015, с. 37). С точки зрения авторов «выделение двух уровней пола — биологического и социального представляется необходимым, т.к. человек — это крайне сложная социально-биологическая система. Очевидно, что биологический пол и гендер — взаимовлияющие понятия, мы не можем игнорировать объективные биологические факторы при анализе личностных особенностей человека, но не принимать во внимание социальные, не заданные природой факторы также нельзя. Биологическое и социальное тесно переплетается в человеке, и это необходимо учитывать при изучении человека» (там же, с. 40).

Таким образом, изучение возрастных и гендерных особенностей жизнеспособности человека является актуальной научной и практической задачей.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Цель исследования: выявить возрастные и гендерные особенности жизнеспособности человека в разные возрастные периоды.

Гипотезы исследования:

1. Уровень развития жизнеспособности человека и ее компонентов, а также структура жизнеспособности будут различаться в группах сравнения, выделенных по возрасту.
2. Уровень развития жизнеспособности человека и ее компонентов, будет различаться в группах сравнения, выделенных по полу и возрасту.

Выборка и методы исследования

Участники исследования.

Исследование проводилось на выборке подростков и взрослых ($n = 722$), жителей крупных городов России (Москва, Питер, Томск, Чита, Хабаровск и т.д.). Возраст 15–65 лет. Из них: мужчины – 362 человека, средний возраст 30 лет (min – 15 max – 65); женщины – 360 человека, средний возраст 32,39 (min – 15 max – 65);

Методики исследования.

Тест CYRM (Child and Youth Resilience Measure) Шкала оценки жизнеспособности детей и молодежи);

Тест жизнеспособности взрослых Исследовательского центра жизнеспособности (Resilience Research Centre Adult Resilience Measure, RRC-ARM).

Тесты выявляют субъективную оценку ресурсов жизнеспособности в трех областях:

“Индивидуальные характеристики” (включает показатели оценки индивидуальных навыков, индивидуальной поддержки друзьями, индивидуально-социальных навыков);

“Семейная поддержка” (включает показатели оценки физической и психологической заботы);

“Контекст” (включает показатели отношения к стране, оценки культуры, образования и духовности); по тесту высчитывается показатель “Общая жизнеспособность”.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Для проверки 1-ой гипотезы исследования о возрастных различиях жизнеспособности общая выборка респондентов была разделена на 4 группы:

- группа 1 (15-17 лет) (n = 178);
- группа 2 (18-25 лет) (n = 194);
- группа 3 (26-45 лет) (n = 188);
- группа 4 (46-65 лет) (n = 162).

Были определены показатели средних значений для каждой группы (табл. 1-4). Для выявления значимых различий выраженности показателей индивидуальной, семейной, контекстуальной и общей жизнеспособности в группах респондентов было проведено их попарное сравнение по критерию Манна-Уитни (табл. 5 – 7).

В исследовании показатели жизнеспособности человека рассматриваются как: низкая жизнеспособность – ниже 3,5 баллов; средняя жизнеспособность – от 3,5 баллов и выше; высокая жизнеспособность – от 4 до 5 баллов.

1. Сравнения значений показателей шкал оценки жизнеспособности человека для каждой возрастной группы

Приведем значения средних и стандартных отклонений по всем шкалам для общей выборки возраста 15-17 лет (группа 1, N = 178).

Таблица 1

Показатели средних значений и стандартных отклонений по всем шкалам для общей выборки (N=178) Группа 1 (15-17 лет)

Показатели/Шкалы	M	SD	Min	Max
Возраст	16,388	,7820	15,0	17,0
ЖСП индивидуальная	4,129	,6787	2,0	5,0
ЖСП семейная	4,117	,8395	1,7	5,0
ЖСП контекстуальная	3,619	,7560	1,5	5,0
ЖСП общая	3,949	,6836	1,9	5,0

Согласно полученным в нашем исследовании данным (табл. 1), жизнеспособность в группе подростков имеет высокую (индивидуальная и семейная) и среднюю (контекстуальная и общая) степень выраженности. Так как субъективно

жизнеспособность воспринимается человеком как удовлетворенность собственной жизнью (Рыльская, 2014), можно говорить о благополучии в целом респондентов группы 1. В структуре жизнеспособности подростков из группы 1 (15-17 лет) индивидуальные и семейные ресурсы играют ведущую роль.

По эмпирическим данным группы 2 (18-25 лет, N = 194) получены следующие значения показателей жизнеспособности (табл. 2).

Таблица 2

Показатели средних значений и стандартных отклонений по всем шкалам группы 2 (18-25 лет; N = 194)

Показатели / Шкалы	M	SD	Min	Max
Возраст	22,304	2,5501	18,0	25,0
ЖСП индивидуальная	3,983	,5308	2,5	5,0
ЖСП семейная	3,786	,7465	1,4	5,0
ЖСП контекстуальная	3,349	,5790	1,6	4,5
ЖСП общая	3,713	,5079	2,4	4,6

В структуре жизнеспособности молодых людей из группы 2 (18-25 лет) ведущую роль играют индивидуальные ресурсы (табл.2).

Приведем значения средних и стандартных отклонений по всем шкалам для общей выборки возраста 26-45 лет (группа 3, N = 188) (табл. 3).

Таблица 3

Показатели средних значений и стандартных отклонений по всем шкалам для общей выборки (N=188) Группа 3 (26-45 лет)

Показатели / Шкалы	M	SD	Min	Max
Возраст	34,361	,35011	15,0	18,0
ЖСП индивидуальная	4,074	,03417	2,8	5,0
ЖСП семейная	3,949	,05022	1,6	5,0
ЖСП контекстуальная	3,611	,04401	1,9	5,0
ЖСП общая	3,878	,03495	2,5	4,9

В структуре жизнеспособности респондентов группы 3 (26-45 лет) ведущую роль играют индивидуальные ресурсы.

По эмпирическим данным группы 4 (46-65 лет, N = 162) получены следующие значения показателей жизнеспособности (табл. 4).

Показатели средних значений и стандартных отклонений по всем шкалам для общей выборки (N=162) Группа 4 (46-65 лет)

Показатели / Шкалы	M	SD	Min	Max
Возраст	54,565	7,846	46,0	65,0
ЖСП индивидуальная	4,052	,5636	2,0	5,0
ЖСП семейная	4,057	,7300	1,0	5,0
ЖСП контекстуальная	3,633	,6251	1,6	5,0
ЖСП общая	3,912	,5330	1,8	4,9

В структуре жизнеспособности респондентов из группы 4 ведущую роль играют индивидуальные и семейные ресурсы.

Вывод: динамика структуры жизнеспособности человека в группах сравнения выглядит следующим образом:

1. в группах 1 (15-17 лет) и 4 (46-65 лет) ведущую роль играют индивидуальные и семейные ресурсы;
2. в группах 2 (18-25 лет) и 3 (26-45 лет) ведущую роль играют индивидуальные ресурсы.

II. Сравнения различий по показателям шкал оценки жизнеспособности человека в разных возрастных группах

Таблица 5

Результаты сравнения средних показателей по критерию Манна-Уитни для двух независимых выборок группа 1 (15- 17 лет; N = 178) и группа 2 (18-25 лет; N = 194)

Шкалы	N	Средний ранг	Сумма рангов	U Манна-Уитни
ЖСП индивидуальная	178	204,71	36437,50	,002
	194	169,80	32940,50	
ЖСП семейная	178	213,62	38024,00	,000
	194	161,62	31354,00	
ЖСП контекстуальная	178	207,37	36912,50	,000
	194	167,35	32465,50	
ЖСП общая	178	211,22	37596,50	,000
	194	163,82	31781,50	

Отметим, что значения всех показателей значимо ниже в группе 2 (18-25 лет) (табл. 5). С нашей точки зрения, объяснить такие различия в субъективной оценке

ресурсов жизнеспособности респондентами группы 1(15-17 лет) и 2 (18-25 лет) можно теми переменными, которые происходят в течение этого жизненного периода. При переходе из школы в вуз привычная обстановка жизни в семье сменяется на жизнь в общежитии или съемной квартире (в случае, если вчерашний школьник уезжает учиться в другой город). И, даже в том случае, если молодые люди продолжают проживать со своими родителями, семья часто не рассматривается ими в качестве психологического ресурса. Понятная система обучения в школе меняется на незнакомую в колледже или вузе. Вхождение в новый коллектив, у многих молодых людей также сопряжено с трудностями. С точки зрения Н.А. Лукьяновой и соавторов «рост требований к профессиональным компетенциям выпускников современных вузов, увеличение учебных нагрузок, необходимость для многих совмещать учебу на очном отделении с различными видами трудовой занятости, ускорение и усложнение социальной динамики в современном обществе вообще — все это создает высокий уровень давления на психоэмоциональную сферу студентов (Лукьянова и др., 2019, с. 156). Это, по данным С.Н. Морозюк и соавторов, «приводит к менее эффективному взаимодействию со социальной средой у студентов, ...которые прибегают к альтернативным формам обучения и образу жизни, что требует каждый раз от них адаптационных форм реагирования, подстройку к изменяющимся условиям среды» (Морозюк и др., 2020, с. 25).

Следующий сложный период жизни этой возрастной группы — профессиональное становление в качестве молодого специалиста. Новый этап ставит перед ними множество задач и проблем: найти работу, жилье, войти в новый социальный круг, определиться с целями и задачами дальнейшего развития, которые смогут в дальнейшем помочь им добиться успеха. Последнее осложняется тем, что, как отмечают М.С. Гусельцева и А.Г. Асмолов, «диверсификация социокультурной среды и дифференциация сообществ в современном мире обусловили разнообразие стилей жизни, поведенческих стратегий, моделей успеха в качестве подвижной социальной нормы» (Гусельцева, Асмолов, 2020,

с. 21). Все это «в свою очередь, повлияло на производство индивидуальных стратегий и самостроительство образов жизни» (там же, с. 18) в молодежной среде. Молодым людям на этом этапе профессионального становления часто очень сложно определиться в каком направлении они хотят двигаться, выбирая между внешним успехом, «ориентированным на социальное одобрение и внешние (материальные или социальные, статусные) достижения» или успехом внутренним, связанным «с саморефлексией, осознанностью и личностной мотивированностью действий» (там же, с. 17). Осознание и вычленение своих подлинных потребностей и, как следствие достижение внутренней мотивированности является очень сложной для молодых людей задачей. Непонимание себя, нереалистичность требований и ожиданий (высокая оплата труда, работа, которая должна быть всегда интересной, не слишком загруженный график и т.д.) часто приводят их к разочарованиям в себе и окружающем. Если учесть тот факт, что формирование и поддержание высокой самооценки у нового поколения является неотъемлемой частью современного воспитания на протяжении всех последних лет, такое столкновение с реальностью будет приводить с необходимостью к усилению у них нарциссической проблематики. Это подтверждают многочисленные исследования, в которых отмечается усиление нарциссических черт в молодежной популяции развитых стран (Гаранян, 2016; Колосов и др., 2020; Twenge, Campbell, 2010; и др.). Это оказывает негативное влияние на их психоэмоциональную сферу, приводя к возникновению депрессивных состояний, психосоматическим проявлениям, демотивации и, как следствие к развитию зависимости от психоактивных веществ (Lipson, Eisenberg, 2018; Twenge et al., 2019).

Таким образом, отметим, что возрастной период 18-25 лет является сложным в силу необходимости адаптации к изменяющимся условиям среды, перестройки работы системы ресурсов жизнеспособности во всех сферах и, как следствие, снижение их субъективной оценки в группе 2 (18-25 лет) по сравнению с группой 1 (15-17 лет).

Результаты сравнения средних показателей по критерию Манна-Уитни для двух независимых выборок группа 2 (18-25 лет; N = 194) и группа 3 (26- 45 лет; N = 188)

Шкалы	N	Средний ранг	Сумма рангов	U Манна-Уитни
ЖСП индивидуальная	194	183,62	35622,50	,156
	188	199,63	37530,50	
ЖСП семейная	194	179,91	34902,50	,037
	188	203,46	38250,50	
ЖСП контекстуальная	194	169,92	32964,00	,000
	188	213,77	40189,00	
ЖСП общая	194	175,44	34035,50	,004
	188	208,07	39117,50	

Сравнивая данные групп 2 (18-25 лет) и 3 (26-45 лет), отметим отсутствие различий по индивидуальной жизнеспособности. При этом значения показателей «Семейная жизнеспособность», «Контекстуальная жизнеспособность» и, за счет этого — «Общая жизнеспособность» значимо выше в группе 3 (26-45 лет) (табл. 6).

«Различия в показателях семейной жизнеспособности, включающей физическую и психологическую заботу, можно объяснить тем, что практически все респонденты из группы 2 (18-25 лет) не состоят в браке и не имеют детей. То есть молодые люди не создали еще своих семей, но родительские семьи уже во многом не являются для них ресурсом (либо потому, что они живут отдельно от родителей, либо потому, что этот ресурс становится для них мало востребованным» (Лактионова, 2020, с. 201).

Значимые различия в значениях показателей «Контекстуальная жизнеспособность» объясняются, в частности, тем, что у респондентов возрастной группы 26-45 лет постепенно формируется карьерная направленность, и в этом отношении они чувствуют себя значительно лучше респондентов группы 2 (18-25 лет). Так, по данным Н.Н. Мельниковой «У 53% обследованных студентов не существует явных предпочтений в выборе вертикального и горизонтального направлениям развития карьеры... Для сравнения, в возрастной группе 26—35 лет, доля «неопределившихся»

снижается до 26%, а у 74% людей к этому возрасту приоритеты вертикального либо горизонтального вектора карьерного развития сформированы» (Мельникова, 2016, с. 81). Вследствие этого их деятельность становится более целенаправленной, появляются конкретные планы дальнейшего профессионального развития, внутренняя мотивация. Так «установлено, что у респондентов, обследованных на ранних этапах построения их карьеры, значимых взаимосвязей общей карьерной направленности с реальными карьерными достижениями обнаружено не было. Такая взаимосвязь обуславливается накоплением профессионального опыта и начинает проявляться только лишь у специалистов со стажем более 7 лет» (Мельникова, 2016, с. 81-83).

Адаптация к условиям деятельности и социализация в коллективе сотрудников и во взаимоотношениях с руководством, осознание профессиональных и карьерных целей, и, как следствие, повышение мотивации и наличие профессиональных достижений, сложившиеся семейные отношения — все это позволяет респондентам группы 3 (26-45 лет) увереннее себя чувствовать и выше оценивать свои семейные и контекстуальные ресурсы жизнеспособности по сравнению с респондентами группы 2 (18-25 лет).

Сравнение данных групп 3 (26- 45 лет; N = 188 и 4 (46-65 лет; N = 163) различий не выявило.

Таблица 7

Результаты сравнения средних показателей по критерию Манна-Уитни для двух независимых выборок группа 2 (18-25 лет; N = 194) и группа 4 (46-65 лет; N = 162)

Шкалы	N	Средний ранг	Сумма рангов	U Манна-Уитни
ЖСП индивидуальная	194	171,09	33191,50	,163
	162	186,33	29998,50	
ЖСП семейная	194	159,66	30974,50	,000
	162	200,10	32215,50	
ЖСП контекстуальная	194	155,65	30197,00	,000
	162	204,93	32993,00	
ЖСП общая	194	159,28	30901,00	,000
	162	200,55	32289,00	

При сравнении средних значений показателей респондентов группы 2 (18-25 лет) и группы 4 (46-65 лет) не выявлены значимые различия индивидуальной жизнеспособности, в отличие от всех остальных показателей (табл. 7). Это согласуется с данными, полученными нами ранее (Лактионова, 2020). «Наше общество, в отличие от обществ постфигуративного типа, в “которых старшие поколения являются образцом поведения для молодых с сохранением всех традиций, присущих данному племени, обществу” (Мид, 1988, с. 322-323), является обществом кофигуративного типа, в которых сформирована абсолютно иная модель жизни (Махнач, 2017, 2018). Обучение в этом случае идет не по вертикали, от старших к младшим, а по горизонтали — между сверстниками, а иногда и (как в обществах с префигуративной культурой — от младших к старшим. Как следствие индивидуальные ресурсы, включающие личные и социальные навыки (знаю, умею, могу) и поддержку друзей не различаются» (Лактионова, 2020, с. 200-201). Значимые различия в показателях семейной жизнеспособности мы уже объясняли выше, при сравнении данных групп 2 и 3.

Более высокие значения показателя «Контекстуальная жизнеспособность» в группе 4 (45-65 лет) объясняются: 1) наличием «жизненного и профессионального опыта и устоявшимися продолжительными и от этого более понятными личными отношениями (с коллегами, друзьями, родными и в браке)» (Лактионова, 2020, с. 204); 2) «Представители старшей группы в целом выше оценивают значимость образования (в силу уже состоявшегося профессионального становления) и отношения к своей стране и культуре» (там же, с. 201). Полученные нами результаты согласуются с данными других исследований. Так Э.Ф. Зеер с соавторами показывают, что «что чем больше трудовой стаж, тем выше специалисты оценивают свой уровень качества жизни по четырем доменам: физическое здоровье, психологическое здоровье, социальное благополучие и окружающая среда» (Зеер и др., 2020, с. 99). М.М. Мишина в своем исследовании приходит к выводу о том, что «в целом от периода юности к первому периоду зрелости результативность интеллектуальной деятельности личности незначительно повышается,

ко второму периоду зрелости резко возрастает, что связано с определенными достижениями в жизнедеятельности» (Мишина, 2016, с. 128). По данным Н.Н. Мельниковой «лучшие профессиональные достижения имеют работники, сохраняющие и на зрелых этапах своего профессионального развития высокие карьерные притязания и мотивацию на построение карьеры ...накопленный со стажем работы профессиональный опыт, сочетающийся с карьерной мотивацией, и даёт подобный эффект» (Мельникова, 2016, с. 82).

Выводы:

Сравнение групп по признаку «возраст» с вычислением достоверности различий между ними (по критерию Манна—Уитни) позволило выявить:

1. Жизнеспособность респондентов группы 2 (18-25 лет) имеет значимо более низкие показатели индивидуальной, семейной, контекстуальной и общей жизнеспособности по сравнению с группой 1 (15-17 лет).
2. При сравнении с группой 3 (26-45 лет) наиболее значимые различия выявлены по показателям «Контекстуальная» и «Общая жизнеспособность», более низкие в группе 2 (18-25 лет). Различий по показателю «Индивидуальная жизнеспособность» не обнаружено.
3. Значимо более низкие значения показателей «Семейная, жизнеспособность», «Контекстуальная жизнеспособность» и «Общая жизнеспособность» отмечаются также в группе 2 (18-25 лет) по сравнению с группой 4 (46-65 лет). Различия по показателю «Индивидуальная жизнеспособность» не выявлены.
4. Не обнаружено значимых различий по всем показателям жизнеспособности между группами 3 (26-45 лет) и 4 (46-65 лет).

Таким образом наиболее низкие показатели жизнеспособности наблюдаются в группе 2 (18-25 лет).

В результате подтвердилась 1-ая гипотеза нашего исследования: уровень развития жизнеспособности и ее компонентов, а также структура жизнеспособности различаются в группах сравнения.

III. Сравнения гендерных различий по показателям шкал оценки жизнеспособности человека по возрастным группам

Для проверки гипотезы исследования о гендерных различиях жизнеспособности респондентов вся выборка была разделена на подгруппы мужчин (N = 362) и женщин (N = 360). Для каждой подгруппы были определены показатели средних значений (табл. 8).

Таблица 8

Средние значения показателей и стандартных отклонений по всем шкалам для выборки мужчин (N=361) и женщин (N=360)

Показатели / Шкалы	N	M	SD	Min	Max
Возраст	362	30,000	14,1386	15,0	65,0
	360	32,386	15,5416	15,0	65,0
ЖСП индивидуальная	362	4,098	,5516	2,0	5,0
	360	4,018	,5761	2,0	5,0
ЖСП семейная	362	4,044	,7431	1,9	5,0
	360	3,897	,7743	1,0	5,0
ЖСП контекстуальная	362	3,580	,6560	1,5	5,0
	360	3,515	,6490	1,6	5,0
ЖСП общая	362	3,904	,5591	1,9	5,0
	360	3,814	,5611	1,8	5,0

Для выявления значимых различий выраженности показателей индивидуальной, семейной, контекстуальной и общей жизнеспособности в мужчин (N = 362) и женщин (N = 360) было проведено их попарное сравнение по критерию Манна-Уитни (табл. 9).

Таблица 9

Сравнение средних значений показателей по критерию Манна-Уитни для двух независимых выборок мужчины (N=361) и женщины (N=360)

Шкалы	N	Средний ранг	Сумма рангов	U Манна-Уитни
ЖСП семейная	362	382,33	138019,50	,006
	360	339,62	122261,50	

ЖСП общая	362	378,37	136591,00	,025
	360	343,58	123690,00	

По результатам статистического анализа не было получено значимых различий между значениями показателей «Индивидуальная жизнеспособность» и «Контекстуальная жизнеспособность» у мужчин и женщин в отличие от значений показателя «Семейная жизнеспособность» и, по-видимому, за счет этого — «Общая жизнеспособность». Мы видим, что респонденты женщины дают более низкую оценку поддержки своей семьи (физическая и психологическая забота), чем мужчины. Это согласуется с данными, полученными нами ранее (Лактионова, 2017). И.А. Джидарьян, анализируя работы зарубежных авторов и результаты собственных исследований, показывает, что в семейно-брачных отношениях жены обеспечивают более прочную социальную и эмоциональную поддержку своим мужьям, чем мужья женам. В отличие от мужчин женщины ищут и находят такого рода поддержку и взаимное подкрепление у своих подруг, родственников, соседей и т.д. (Джидарьян, 2013).

И.С. Клецина и С.А. Векилова выделяют «две основные тенденции трансформаций гендерных отношений в российской семье. Первая тенденция определяет главный устойчивый вектор изменений гендерных отношений — от традиционалистской модели к эгалитарной» (Клецина, Векилова, 2020, с. 87). При этом авторы отмечают меньшую выраженность эгалитарной тенденции «относительно исполнения женщинами роли хозяйки, а мужчинами — роли добытчика. Вторая тенденция связана с наличием у мужчин и женщин сочетания традиционалистских и эгалитарных норм, представлений и установок, определяющих их поведение в семье» (там же, с. 87). Так «результаты исследований свидетельствуют об устойчивости такой традиционалистской нормы женского поведения, как практически единоличная ответственность за выполнение повседневных домашних дел. Характер распределения домашней работы остается наиболее консервативной областью гендерных отношений в семье» (там же, с. 84). При этом, по данным С.Д. Гуриевой и соавторов, «женщины в большей степени придерживаются эгалитарных взглядов... Несмотря на то, что большинство

респондентов не разделяют идею о том, что основная задача женщины — ведение домашнего хозяйства и забота о муже и детях, мужчины в меньшей степени не согласны с этим» (Гуриева и др., 2019, с. 103-104). Таким образом, женщины вынуждены, работая наравне с мужчинами, выполнять еще и работу по дому, что значительно увеличивает их ежедневную нагрузку.

Все вышесказанное объясняет субъективное восприятие женщинами недостаточности психологической и физической семейной поддержки.

Гендерные различия в группах сравнения

Для проверки гипотезы исследования о гендерных различиях жизнеспособности респондентов в группах сравнения были определены средние значения показателей для женщин и мужчин в каждой группе - 1 (15-17 лет), 2 (18-25 лет), 3 (26-45 лет) и 4 (46-65 лет) (табл. 10, 11, 13, 14). Для выявления значимых различий выраженности этих показателей у мужчин и женщин в каждой группе было проведено попарное сравнение оцениваемых показателей по критерию Манна-Уитни (табл. 12).

Таблица 10

Показатели средних значений и стандартных отклонений по всем шкалам для выборки юношей (N=95) и девушек (N=83) Группа 1 (15-17 лет)

Показатели / Шкалы	N	M	SD	Min	Max
Возраст	95	16,516	,7700	15,0	17,0
	83	16,241	,7744	15,0	17,0
ЖСП индивидуальная	95	4,193	,6481	2,0	5,0
	83	4,057	,7090	2,3	5,0
ЖСП семейная	95	4,173	,8283	1,9	5,0
	83	4,054	,8527	1,7	5,0
ЖСП контекстуальная	95	3,712	,7273	1,5	5,0
	83	3,513	,7786	1,6	5,0
ЖСП общая	95	4,023	,6597	1,9	5,0
	83	3,865	,7044	2,3	5,0

По результатам сравнения средних значений показателей тестов по критерию Манна-Уитни для двух независимых выборок юноши N=95 и девушки N=83 в группе 1 (15-17 лет) значимых различий не выявлено.

Таблица 11

Показатели средних значений и стандартных отклонений по всем шкалам для выборки мужчин (N=105) и женщин (N=89) группа 2 (18-25 лет)

Показатели / Шкалы	N	M	SD	Min	Max
Возраст	105	22,705	2,2141	18,0	25,0
	89	21,831	2,8374	18,0	25,0
ЖСП индивидуальная	105	4,069	,5259	2,9	5,0
	89	3,882	,5215	2,5	5,0
ЖСП семейная	105	3,900	,7033	1,9	5,0
	89	3,652	,7771	1,4	5,0
ЖСП контекстуальная	105	3,393	,5962	1,6	4,5
	89	3,298	,5570	1,9	4,4
ЖСП общая	105	3,789	,5124	2,5	4,6
	89	3,624	,4904	2,4	4,6

Для выявления значимых различий выраженности показателей индивидуальной, семейной, контекстуальной и общей жизнеспособности для двух независимых выборок мужчины (N=105) и женщины (N=89) группа 2 (18-25 лет) было проведено их попарное сравнение по критерию Манна-Уитни (табл. 12).

Таблица 12

Результаты сравнения средних показателей по критерию Манна-Уитни для двух независимых выборок мужчины N=105 и женщины N=89 группа 2 (18-25 лет)

Шкалы	N	Средний ранг	Сумма рангов	U Манна-Уитни
ЖСП индивидуальная	105	106,40	11171,50	,016
	89	87,01	7743,50	
ЖСП семейная	105	105,90	11119,00	,023
	89	87,60	7796,00	
ЖСП контекстуальная	105	101,82	10691,50	,243
	89	92,40	8223,50	
ЖСП общая	105	105,48	11075,00	,031
	89	88,09	7840,00	

Мы уже отмечали выше при описании данных респондентов 18-25 лет (табл. 5-7) значимое снижение показателей жизнеспособности в этом возрасте. При этом парное сравнение между выборками юношей и девушек в группе 2 показало, что в подгруппе девушек эти показатели (кроме значения показателя «Контекстуальная жизнеспособность») значимо ниже, чем в группе юношей (табл. 12). Это говорит о том,

что девушки этой возрастной группы субъективно чувствуют себя хуже юношей и ниже оценивают свои индивидуальные и семейные ресурсы. Это соответствует данным Т.А. Сорокиной, согласно которым «в современном обществе юноши проявляют более жизнеспособную позицию, в сравнении с девушками» (Сорокина, 2020, с. 1218). В своем исследовании Е.В. Куфтяк показывает, что «девушки более консервативны, склонны к тенденции «погрязать» в эмоциях, «вязнуть» в системе человеческих отношений, что затрудняет позитивный взгляд на происходящие события... девушки более склонны к общению и получению обратной связи от окружающих, по сравнению с юношами» (Куфтяк, 2017, с. 32). Это совпадает с результатами другого исследования, согласно которому, «девушки ...превосходили юношей в общительности, эмоциональной неустойчивости, неуверенности, озабоченности, чувствительности и напряженности» (Климов и др., 2020, с. 116). Все вышесказанное, на наш взгляд, объясняет субъективно более низкую оценку семейной поддержки девушек по сравнению с юношами.

Различия в полученных нами значениях показателя «Индивидуальная жизнеспособность» также подтверждаются в ряде исследований. Так, по данным Е.В. Куфтяк для юношей более «характерна уверенность в себе, ... ожидание лучшего...юноши более ориентированы рассчитывать только на себя, а девушки способны чаще обращаться за поддержкой к близким людям (Куфтяк, 2017, с. 32).

Таблица 13

Показатели средних значений и стандартных отклонений по всем шкалам для выборки мужчин (N=90) и женщин (N=98) группа 3 (26-45 лет)

Показатели / Шкалы	N	M	SD	Min	Max
Возраст	90	33,778	4,4083	26,0	45,0
	98	34,898	5,0980	26,0	45,0
ЖСП индивидуальная	90	4,008	,4957	2,8	5,0
	98	4,136	,4358	3,1	4,9
ЖСП семейная	90	4,011	,6885	2,1	5,0
	98	3,893	,6873	1,6	5,0
ЖСП контекстуальная	90	3,611	,6343	2,4	4,8
	98	3,611	,5769	1,9	5,0
ЖСП общая	90	3,871	,5139	2,8	4,9
	98	3,886	,4474	2,5	4,9

По результатам сравнения значений средних показателей по критерию Манна-Уитни для двух независимых выборок мужчины (N = 90) и женщины (N = 98) в группе 3 (26-45 лет) значимых различий не выявлено.

Таблица 14

Показатели средних значений и стандартных отклонений по всем шкалам для выборки мужчин (N=73) и женщин (N=90) группа 4 (46-65 лет)

Показатели / Шкалы	N	M	SD	Min	Max
Возраст	73	54,028	7,9470	46,0	65,0
	98	34,898	5,0980	46,0	65,0
ЖСП индивидуальная	73	4,133	,5001	2,8	5,0
	98	4,136	,4358	3,1	4,9
ЖСП семейная	73	4,131	,5001	1,9	5,0
	98	3,893	,6873	1,6	5,0
ЖСП контекстуальная	90	3,611	,6343	2,4	4,8
	98	3,611	,5769	1,9	5,0
ЖСП общая	90	3,871	,5139	2,8	4,9
	98	3,886	,4474	2,5	4,9

По результатам сравнения средних значений показателей по критерию Манна-Уитни для двух независимых выборок мужчины (N = 73) и женщины (N = 90) в группе 3 (26-45 лет) значимых различий не выявлено.

Отсутствие различий по показателям жизнеспособности между выборками мужчин и женщин в группах 3 (26-45 лет) и 4 (46-65 лет) (табл. 13, 14) можно объяснить, сопоставив их с результатами других исследований. Так по данным ряда авторов «мужчины и женщины, встречаясь с новыми событиями в результате процесса адаптации через какое-то время возвращаются к привычному уровню социального самочувствия. Это является одной из причин того, что в результате эмпирических исследований мы не получаем стабильных существенных различий в уровне социального самочувствия мужчин и женщин, поскольку эти процессы присущи и тем, и другим (Luhmann et al., 2012; цит. по: Гареева, Степанова, 2019, с. 77).

Таким образом, частично подтвердилась 2 гипотеза нашего исследования: уровень жизнеспособности и ее компонентов различается в группах сравнения, разделенных по полу и возрасту в группе молодежи 18-25 лет. При сравнении показателей группы

мужчин (N=362) и группы женщины (N=360), проведенное на всей выборке (N=722), были выявлены значимые различия между значениями показателей «Семейная жизнеспособность» и, по-видимому, за счет этого — «Общая жизнеспособность» более низких в группе женщин. Исходя из этого можно говорить о том, что уровень развития жизнеспособности человека и ее компонентов, различается в группах сравнения, выделенных по полу.

ВЫВОДЫ

1. Динамика структуры жизнеспособности человека: в группах 1 (15-17 лет) и 4 (46-65 лет) ведущую роль играют индивидуальные и семейные ресурсы; в группах 2 (18-25 лет) и 3 (26-45 лет) ведущую роль играют индивидуальные ресурсы.
2. Возрастная траектория развития жизнеспособности от 15 лет до 65 лет: значимое снижение всех показателей жизнеспособности в возрасте 18-25 лет, затем подъем показателей семейной, контекстуальной и общей жизнеспособности в возрасте 26-45 лет и отсутствие различий между возрастными группами 26-45 и 46-65 лет.
3. Значимые различия по все показателям жизнеспособности между выборками мужчин и женщин, разделенных по возрасту, наблюдаются только в группе 2 (18-25 лет), в остальных группах различий нет. В группе 2 (18-25 лет) показатели «Индивидуальная жизнеспособность», «Семейная жизнеспособность» и «Общая жизнеспособность» значимо выше в группе мужчин.

Уровень развития жизнеспособности человека и ее компонентов, различается в группах сравнения, выделенных по полу. Показатели «Семейная жизнеспособность» и «Общая жизнеспособность» выше в группе мужчин.

ЛИТЕРАТУРА

- Белоусова О.Н., Медзиновский Ю.Ф., Лихтинова А.Н., Куксова Т.В., Колпина Л.В.* Индивидуальная жизнеспособность в исследовании факторов долголетия // Научные результаты биомедицинских исследований. 2019. Т. 5(4). С. 129-138. DOI:10.18413/2658-6533-2019-5-4-0-10
- Воронова А.В., Мазилев В.А.* Гендер: междисциплинарный анализ // Вестник КГУ Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2015. Т. 21. № 2. С. 35-40.
- Гаранян Н.Г.* Апробация методики диагностики нарциссических черт личности на выборке студентов российских вузов // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 4 (93). С. 8-32.
- Гареева И.А., Степанова А.П.* Влияние гендерных различий на социальное самочувствие населения // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 3 (88). С. 73–80. DOI:10.22394/1818-4049-2019-88-3-73-80
- Гусельцева М.С., Асмолов А.Г.* Скрытое лидерство и разнообразие моделей успеха в современном обществе // Поволжский педагогический поиск. 2020. №2 (32). С. 14-23 DOI:10.33065/2307-1052-2020-2-32-14-23
- Гуриева С.Д., Казанцева Т.В., Белова О.Е.* Социальные представления о гендерных различиях в разных сферах жизни: апробация опросника и проверка надежности шкал // Петербургский психологический журнал. 2019. №27. С. 88-114.
- Джидарьян И.А.* Психология счастья и оптимизма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э., Рябухина А.А., Борисов Г.И.* Психологические особенности профессионального развития в поздней зрелости // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 8. С. 75–107. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-8-75-107
- Ильницкий А.Н., Потапов В.Н., Процаев К.И., Горелик С.Г., Кравченко Е.С., Жириков А.В., Таукенова Л.И.* Взаимодействие геронтологических школ в современном мире: фокус на обеспечение индивидуальной и возрастной жизнеспособности // Вестник Всероссийского общества специалистов по медико-социальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной индустрии. 2020. № 1.. С. 86-94. DOI:10.17238/issn1999-2351.2020.1.86-94
- Карапетян Л.В., Глотова Г.А.* Исследование параметров эмоционально-личностного благополучия российских студентов (окончание) // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2018. № 3. С. 60-75. DOI:10.11621/vsp.2018.03.60

- Клецина И.С., Векилова С.А.* Гендерные отношения в российской семье: тенденции трансформаций // *Женщина в российском обществе* 2020. № 3. С. 78-91. DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.7
- Климов В.М., Лебедев А.В., Айзман Р.И.* Психофизиологические и личностные особенности юношей и девушек студенческого возраста // *Вестник психофизиологии*. 2020. № 3. С. 115-121. DOI: 10.34985/s4066-9650-9426-0
- Колосов Г.А., Овчинников А.А., Климова И.Ю., Штикс Т.А., Хомякова М.В.* Сетевая теория и постпсихиатрия: практическое исследование нарциссизма у студентов первого курса медицинского вуза // *Сибирский медицинский вестник*. 2020. № 1. С. 40–45.
- Куфтяк Е.В.* Возрастные и гендерные особенности жизнеспособности в юношеском возрасте // *Вестник КГУ Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2017. № 4. С. 31-33.
- Лактионова А.И.* Взаимосвязь смысловых образований и рефлексивности с жизнеспособностью человека // *Психологический журнал*. 2017. Т. 38. № 5. С. 37–50. DOI: 10.7868/S0205959217050038
- Лактионова А.И.* Взаимосвязь дифференциального типа рефлексии и компонентов жизнеспособности человека в разных возрастных группах // *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*. 2020. Т. 5. № 4. С.193-217. DOI: 10.38098/irpan.opwr.2020.17.4.008
- Лукьянова Н.А., Родионова Е.В., Конюхова Т.В.* Социологические основания траектории поддержания психоэмоциональной устойчивости студентов в стрессовых ситуациях // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 440. С. 153–159. DOI: 10.17223/15617793/440/2
- Махнач А.В.* Жизнеспособность человека как предмет изучения в психологической науке // *Психологический журнал*. 2017. Т. 38. № 4. С. 5–16. DOI: 10.7868/S0205959217040018
- Махнач А.В.* Жизнеспособность человека: новое понятие и новые вызовы // *Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. Е.А. Сергиенко, А.Л. Журавлев*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 551-578.
- Махнач А.В., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В., Горьковая И.А., Микляева А.В., Сараева Н.М., Суханов А.А., Терон Л., Унгар М.* Сравнительный анализ жизнеспособности молодежи из регионов с разными культурно-социальными и экологическими условиями жизни // *Психологический журнал*. 2021. Т. 42. № 4. С. 16-27. DOI: 10.31857/S020595920016005-1

- Мельникова Н.Н.* Карьерные ориентации: гендерные различия и возрастная динамика // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2016. Т. 9. № 3. С. 76–86. DOI: 10.14529/psy160308
- Мид М.* Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
- Мишина М.М.* Проявление феномена интеллектуальной деятельности личности студентов // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2016. № 1 (3). С. 124-133.
- Морозюк С.Н., Горбенко И.А., Кузнецова Е.С.* Феномен «жизнеспособность» у старших школьников и студентов в условиях современного образования // Вестник Университета Российской академии образования. 2020. № 4.. С. 18-27. DOI: 10.24411/2072-5833-2020-10036
- Нестерова А.А.* Потребностно-мотивационный и регуляторный компоненты жизнеспособности безработной молодежи // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии. Результаты и перспективы развития / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 2468-2478.
- Паатова М.Э.* Формирование социально-личностной жизнеспособности подростков с девиантным поведением // Педагогика. 2020. Т. 84. №10. С. 69-75.
- Постылякова Ю.В.* Индивидуальная жизнеспособность и ресурсы студентов вуза // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3 №1. С. 92-108.
- Постылякова Ю.В.* Экологическая модель жизнеспособности студента // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2020. Т. 5. № 4. С. 218-239. DOI: 10.38098/iprap.opwp.2020.15.2.009
- Рыльская Е.А.* Психология жизнеспособности человека: автореф. дис. ... докт. психол. наук. Ярославль, 2014.
- Сорокина Т.А.* Различия в проявлении социальной зрелости и жизнеспособности у юношей и девушек // Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических и педагогических исследований : Сборник трудов Международной научно-практической конференции "XV Левитовские чтения": в 3-х томах, Москва, 15–16 апреля 2020 года. Москва: Издательство "Перо", 2020. С. 1218-1222..
- Carroll A.R.* Betrayal trauma and resilience in former foster youth // Emerging Adulthood. 2020. DOI:10.1177/2167696820933126
- Denckla C., Cicchetti D., Kubzansky L.D., Seedat S., Teicher M.H., Koenen K.C.* Psychological resilience: an update on definitions, a critical appraisal, and

research recommendations // European Journal of Psychotraumatology. 2020. Vol. 11(1):1822064 DOI:10.1080/20008198.2020.1822064

Gabrielli G., Longobardi S., Strozza S. The academic resilience of native and immigrant-origin students in selected European countries // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2021. DOI: 10.1080/1369183X.2021.1935657

Lipson S.K., Eisenberg D., Mental health and academic attitudes and expectations in university populations: Results from the Healthy Minds Study // Journal of Mental Health. 2017. Vol. 27 (3). P. 205–213. DOI:10.1080/09638237.2017.1417567

Masten A.S. Ordinary magic: Resilience in development. New York: Guilford Press, 2014/

Twenge J.M., Campbell W.K. The Narcissism epidemic: Living in the age of entitlement // Personality Psychology: Understanding Yourself and Others: The Handbook of Narcissism and Narcissistic Personality Disorder: Theoretical Approaches, Empirical Findings, and Treatments, 2010.

Twenge J.M., Cooper A.B., Joiner T.E., Duffy M.E., Binau S.G. Age, period, and cohort trends in mood disorder indicators and suicide-related outcomes in a nationally representative dataset, 2005–2017 // Journal of Abnormal Psychology. 2019. V. 128(3). P. 185–199. DOI:10.1037/abn0000410.

Southwick S.M., Bonanno G.A., Masten A.S., Panter-Brick C., Yehuda R. Resilience definitions, theory, and challenges: Interdisciplinary perspectives // European Journal of Psychotraumatology. 2014. Vol. 5(1): 25338. DOI: doi.org/10.3402/ejpt.v5.25338

Статья поступила в редакцию: 23.12.2021. Статья опубликована: 31.12.2021.

AGE AND GENDER DIFFERENCES IN HUMAN RESILIENCE. PART 1

© 2021 Anna I. Laktionova

Ph.D., Senior Researcher;
Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow
E-mail: apan@inbox.ru

The article is devoted to the study of age and gender differences in human resilience. Hypotheses of the research: 1. The level of development of human resilience and its components, as well as the structure of resilience will differ in comparison groups allocated by age. 2. The level of development of human resilience and its components, will differ in comparison groups allocated by gender and age. The total study sample is 722 individuals. Age 15-65 years old. Of these: men - 362 people, mean age 30 (min - 15 max - 65); women - 360 people, mean age 32.39 (min - 15 max - 65). All respondents were divided into 4 groups: group 1 (15-17 years) (n = 178); group 2 (18-25 years) (n = 194); group 3 (26-45 years) (n = 188); group 4 (46-65 years) (n = 162). Research methods: Child and Youth Resilience Measure (CYRM); Resilience Research Center Adult Resilience Measure (RRC-ARM). Research results: 1. The dynamics of a person's resilience structure in comparison groups: in groups 1 (15-17 years) and 4 (46-65 years), individual and family resources play the leading role; in groups 2 (18-25 years) and 3 (26-45 years), individual resources play the leading role. 2. Age trajectory of resilience development from 15 to 65 years: significant decline in all resilience measures at 18-25 years, then rise in family, contextual, and general resilience measures at 26-45 years, and no difference between age groups 26-45 and 46-65 years. 3. Significant differences in all resilience indicators between samples of men and women are observed only in group 2 (18-25 years old), in other groups there are no differences. In group 2 (18-25 years old) "Individual resilience", "Family resilience" and "General resilience" indicators are significantly higher in men's group.

Key words: resilience, dynamic system, age differences, gender differences, adolescents, youth, adults.

REFERENCES

- Belousova, O.N., Medzinovskiy, YU.F., Likhtinova, A.N., Kuksova, T.V., Kolpina L.V.* (2019). Individual'naya zhiznesposobnost' v issledovanii faktorov dolgoletiya [Individual resilience in the study of factors of longevity]. *Nauchnyye rezul'taty biomeditsinskikh issledovaniy [Scientific results of biomedical research]*, 5(4) 129-138. (in Russian). DOI: 10.18413/2658-6533-2019-5-4-0-10
- Voronova, A.V., Mazilov, V.A.* (2015). Gender: mezhdistsiplinarnyy analiz [Gender: interdisciplinary analysis]. *Vestnik KGU Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika [Bulletin of KSU Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics]*, 21(2), 35-40. (in Russian).
- Garanyan, N.G.* (2016). Aprobatsiya metodiki diagnostiki nartsissicheskikh chert lichnosti na vyborke studentov rossiyskikh vuzov [Approbation of the methodology for diagnosing narcissistic personality traits on a sample of students from Russian universities]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Consultative psychology and*

psychotherapy], 24, 4(93), 8-32. (in Russian). DOI 10.22394/1818-4049-2019-88-3-73-80

- Gareyeva, I.A., Stepanova A.P. (2019). Vliyaniye gendernykh razlichiy na sotsial'noye samochuvstviye naseleniya [Influence of gender differences on the social well-being of the population]. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Management in the East of Russia], 3 (88), 73–80. (in Russian). DOI: 10.22394/1818-4049-2019-88-3-73-80
- Gusel'tseva, M.S. Asmolov A.G. (2020). Skrytoye liderstvo i raznoobraziye modeley uspekha v sovremennom obshchestve [Hidden leadership and a variety of models of success in modern society]. *Povolzhskiy Pedagogicheskiy Poisk* [Povolzhsky Pedagogical Search], 2 (32), 14-23. (in Russian). DOI: 10.33065/2307-1052-2020-2-32-14-23
- Guriyeva, S.D., Kazantseva, T.V., Belova, O.Ye. (2019). Sotsial'nyye predstavleniya o gendernykh razlichiyakh v raznykh sferakh zhizni: aprobatsiya oprosnika i proverka nadezhnosti shkal [Social ideas about gender differences in different spheres of life: approbation of the questionnaire and verification of the reliability of scales]. *Peterburgskiy Psikhologicheskiy Zhurnal* [Petersburg Psychological Journal], 27, 88-114. (in Russian).
- Dzhidar'yan, I.A. (2013). *Psikhologiya schast'ya i optimizma* [The psychology of happiness and optimism]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ. (in Russian).
- Zeyer, E.F., Symanyuk, E.E., Ryabukhina, A.A., Borisov, G.I. (2020). Psikhologicheskiye osobennosti professional'nogo razvitiya v pozdney zrelosti [Psychological features of professional development in late maturity]. *Obrazovaniye i Nauka* [Education and Science], 22 (8), 75–107. (in Russian). DOI: 10.17853/1994-5639-2020-8-75-107
- Il'nitskiy, A.N., Potapov, V.N., Proshchayev, K.I., Gorelik, S.G., Kravchenko, Ye.S., Zhirikov, A.V., Taukenova, L.I. (2020). Vzaimodeystviye gerontologicheskikh shkol v sovremennom mire: fokus na obespecheniye individual'noy i vozrastnoy zhiznesposobnosti [Interaction of gerontological schools in the modern world: focus on ensuring individual and age-related resilience]. *Vestnik Vserossiyskogo Obshchestva Spetsialistov po Mediko-sotsial'noy Ekspertize, Reabilitatsii i Reabilitatsionnoy Industrii* [Bulletin of the All-Russian Society of Specialists in Medical and Social Expertise, Rehabilitation and Rehabilitation Industry], 1, 86-94. (in Russian). DOI: 10.17238/issn1999-2351.2020.1.86-94
- Karapetyan, L.V., Glotova, G.A. (2018). Issledovaniye parametrov emotsional'no-lichnostnogo blagopoluchiya rossiyskikh studentov (okonchaniye) [Study of the parameters of emotional and personal well-being of Russian students]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology], 3, 60-75. (in Russian). DOI: 10.11621/vsp.2018.03.60

- Kletsina, I.S., Vekilova, S.A. (2020). Gendernyye otnosheniya v rossiyskoy sem'ye: tendentsii transformatsiy [Gender relations in the Russian family: tendencies of transformation]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve [Woman in Russian society]*, 3, 78—91. (in Russian). DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.7
- Klimov, V.M., Lebedev, A.V., Ayzman, R.I. (2020). Psikhofiziologicheskiye i lichnostnyye osobennosti yunoshey i devushek studencheskogo vozrasta [Psychophysiological and personal characteristics of young men and women of student age]. *Vestnik Psikhofiziologii [Bulletin of Psychophysiology]*, 3, 115-121. (in Russian). DOI: 10.34985/s4066-9650-9426-o
- Koloso, G.A., Ovchinnikov, A.A., Klimova, I.YU., Shpiks, T.A., Khomyakova M.V. (2020). Setevaya teoriya i postpsikhiatriya: prakticheskoye issledovaniye nartsissizma u studentov pervogo kursa meditsinskogo vuza [Network theory and postpsychiatry: a practical study of narcissism among first-year students of a medical university]. *Sib. med. vestnik [Sib. Med. Bulletin]*, 1, 40—45. (in Russian).
- Kuftyak, Ye.V. (2017). Vozrastnyye i gendernyye osobennosti zhiznesposobnosti v yunosheskom vozraste [Age and gender characteristics of resilience in adolescence]. *Vestnik KGU Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika [Bulletin of KSU Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]*, 4, 31-33. (in Russian).
- Laktionova, A.I. (2017). Vzaimosvyaz' smyslovykh obrazovaniy i reflektivnosti s zhiznesposobnost'yu cheloveka [The relationship of semantic formations and reflexivity with human resilience]. *Psikhologicheskiy zhurnal [Psychological Journal]*, 38(5), 37—50. (in Russian). DOI: 10.7868/S0205959217050038
- Laktionova, A.I. (2020). The relationship between the differential type of reflection and the components of resilience in different age groups [Vzaimosvyaz' differentsial'nogo tipa refleksii i komponentov zhiznesposobnosti cheloveka v raznykh vozrastnykh gruppakh]. *Institut Psikhologii Rossiyskoy Akademii Nauk. Organizatsionnaya Psikhologiya i Psikhologiya Truda [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor]*, 5 (4), 193-217. (in Russian). DOI: 10.38098/ipran.opwp.2020.17.4.008
- Luk'yanova, N.A., Rodionova, Ye.V., Konyukhova, T.V. (2019). Sotsiologicheskiye osnovaniya trayektorii podderzhaniya psikhoemotsional'noy ustoychivosti studentov v stressovykh situatsiyakh [Sociological foundations of the trajectory of maintaining psycho-emotional stability of students in stressful situations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University]*, 440, 153—159. (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/440/2
- Makhnach, A.V. (2017). Zhiznesposobnost' cheloveka kak predmet izucheniya v psikhologicheskoy nauke [Human resilience as a subject of study in psychological

- science]. *Psikhologicheskij zhurnal [Psychological Journal]*, 38 (4), 5–16. (in Russian). DOI: 10.7868 / S0205959217040018
- Makhnach, A.V. (2018). Zhiznesposobnost' cheloveka: novoye ponyatiye i novyye vyzovy [Human resilience: a new concept and new challenges]. *Razrabotka Ponyatij Sovremennoy Psikhologii [Development of Concepts of Modern Psychology]*, E.A. Sergiyenko, A.L. Zhuravlev (Eds.). (pp. 551-578). Moscow: Institute of Psychology RAS Publ. (in Russian).
- Makhnach, A.V., Laktionova, A.I., Postylyakova, YU.V., Gor'kovaya, I.A., Miklyayeva, A.V., Sarayeva, N.M., Sukhanov, A.A., Teron, L., Ungar, M. (2021). Sravnitel'nyy analiz zhiznesposobnosti molodezhi iz regionov s raznymi kul'turno-sotsial'nymi i ekologicheskimi usloviyami zhizni [Comparative analysis of the resilience of young people from regions with different cultural, social and environmental living conditions]. *Psikhologicheskij zhurnal [Psychological journal]*, 42, 4, 16-27. (in Russian). DOI: 10.31857/S020595920016005-1
- Mel'nikova, N.N. (2016) Kar'yernyye oriyentatsii: gendernyye razlichiya i voznrastnaya dinamika [Career orientations: gender differences and age dynamics] *Vestnik YUUrGU. Seriya «Psikhologiya» [Bulletin of SUSU. Series "Psychology"]*, 79, 9 (3), 76–86. (in Russian). DOI:10.14529/psy160308
- Mid, M. (1988). *Kul'tura i mir detstva [Culture and the World of Childhood]* Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
- Mishina, M.M. (2016). Proyavleniye fenomena intellektual'noy deyatel'nosti lichnosti studentov [Manifestation of the phenomenon of intellectual activity of students' personality]. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovaniye [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Psychology. Pedagogy. Education]*, 1 (3), 124-133. (in Russian).
- Morozyuk, S.N., Gorbenko, I.A., Kuznetsova, Ye.S. (2020). Fenomen «zhiznesposobnost'» u starshikh shkol'nikov i studentov v usloviyakh sovremennogo obrazovaniya [The phenomenon of "resilience" among senior schoolchildren and students in the context of modern education]. *Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya [Bulletin of the University of the Russian Academy of Education]*, 4, 18-27. (in Russian). DOI:10.24411/2072-5833-2020-10036
- Nesterova, A.A. (2017). Potrebnostno-motivatsionnyy i regul'yatornyy komponenty zhiznesposobnosti bezrabortnoy molodezhi [Necessity-motivational and regulatory components of the resilience of unemployed youth]. *Fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya sovremennoy psikhologii. Rezul'taty i perspektivy razvitiya [Fundamental and applied research in modern psychology. Results and development prospects]*, A.L.

- Zhuravlov, V.A. Kol'tsova (Eds.). (pp. 2468-2478). Moscow: Institute of Psychology RAS Publ. (in Russian).
- Paatova, M.E. (2020). Formirovaniye sotsial'no-lichnostnoy zhiznesposobnosti podrostkov s deviantnym povedeniyem [Formation of social and personal vitality of adolescents with deviant behavior]. *Pedagogika [Pedagogy]*, 84,10, 69-75. (in Russian).
- Postylyakova, Y.V. (2018) Individual'naya zhiznesposobnost' i resursy studentov vuza [Individual vitality and resources of university students]. *Institut Psikhologii Rossiyskoy Akademii Nauk. Organizatsionnaya Psikhologiya i Psikhologiya Truda» [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor]*, 3, 1, 92-108. (in Russian).
- Postylyakova, Y.V. (2020). Jekologicheskaja model' zhiznesposobnosti studenta [Ecological model of the student's resilience]. *Institut Psikhologii Rossiyskoy Akademii Nauk. Organizatsionnaya Psikhologiya i Psikhologiya Truda [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor]*, 5 (4), 218-239. (in Russian). DOI: 10.38098/ipran.opwp.2020.15.2.009.
- Ryl'skaya, E.A. (2014). Psikhologiya zhiznesposobnosti cheloveka. Avtoref. Dokt. Diss. [Psychology of human resilience. Abstract of the Dokt. Diss.]. Yaroslavl'. (in Russian).
- Sorokina, T.A. (2020). Razlichija v projavlenii social'noj zrelosti i zhiznesposobnosti u junoshej i devushek [Differences in the manifestation of social maturity and vitality among boys and girls]. Proceedings from Actual problems of theory and practice of psychological, psychological, pedagogical and pedagogical research. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "XV Levitovskie chtenija"(15–16 aprelya 2020 goda) - International Scientific and Practical Conference. (Vols.1-3). (pp.1218-1222). Moscow: "Pero" Publ. (in Russian).*
- Carroll, A.R. (2020). Betrayal trauma and resilience in former foster youth. *Emerging Adulthood*. DOI:10.1177/2167696820933126
- Denckla C., Cicchetti D., Kubzansky L.D., Seedat S., Teicher M.H., Koenen K.C. (2020). Psychological resilience: an update on definitions, a critical appraisal, and research recommendations. *European Journal of Psychotraumatology*, 11(1):1822064 DOI:10.1080/20008198.2020.1822064
- Gabrielli G., Longobardi S., Strozza S. (2021). The academic resilience of native and immigrant-origin students in selected European countries. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, DOI: 10.1080/1369183X.2021.1935657
- Lipson, S.K., Eisenberg D. (2017). Mental Health and Academic Attitudes and Expectations in University Populations: Results from the Healthy Minds Study. *Journal of Mental Health*, 27 (3), 205–213. DOI:10.1080/09638237.2017.1417567

- Masten, A.S. (2014). *Ordinary magic: Resilience in development*. New York: Guilford Press.
- Twenge, J.M., Campbell, W.K. (2010). *The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement, Personality Psychology: Understanding Yourself and Others, The Handbook of Narcissism and Narcissistic Personality Disorder: Theoretical Approaches, Empirical Findings, and Treatments*. Hoboken, N.J.: John Wiley & Sons.
- Twenge, J.M., Cooper, A.B., Joiner, T.E., Duffy, M.E., Binau, S.G. (2019). Age, period, and cohort trends in mood disorder indicators and suicide-related outcomes in a nationally representative dataset, 2005–2017. *Journal of Abnormal Psychology*, 128(3), 185–199. DOI:10.1037/abn0000410.
- Southwick, S.M., Bonanno, G.A., Masten, A.S., Panter-Brick, C., Yehuda, R. (2014). Resilience definitions, theory, and challenges: Interdisciplinary perspectives. *European Journal of Psychotraumatology*, 5(1), 25338 DOI: <https://doi.org/10.3402/ejpt.v5.25338>

The article was received: 23.12.2021. Published online: 31.12.2021

Библиографическая ссылка на статью:

Лактионова А.И. Возрастные и гендерные различия жизнеспособности человека. Часть 1 // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6. № 4. С. 103 - 133. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2021_21_4_005

Laktionova A.I. (2021). Vozrastnye i gendernye razlichija zhiznesposobnosti cheloveka. Chast' 1 [Age and gender differences in human resilience. part 1]. *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Organizacionnaya psihologiya i psihologiya truda. [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and psychology of work]*. 6.(4). 103 - 133. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2021_21_4_005

Адрес статьи: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document720.pdf>